

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

М. Г. Рабинович

БЫТОВОЙ АСПЕКТ СЕМЕЙНОЙ ДРАМЫ ГРОЗНОГО

Почти за три года до своей смерти Иван Грозный лишился наследника, на которого ранее возлагал большие надежды¹. Убийство царем сына вскоре стало распространенным драматическим сюжетом исторических источников, научной и художественной литературы, изобразительного искусства. Можно сказать, что это — одно из наиболее известных широким кругам читателей событий царствования Ивана IV.

То обстоятельство, что физической расправе предшествовали «дерзкие речи» царевича, обращенные к отцу, пытались использовать еще летописцы, говорившие, будто наследник престола требовал от царя решительных мер «для выручения града Пскова»². Другие современники «каким-то неясным способом», — говорит С. Б. Веселовский³, — ставили убийство Ивана Ивановича в ряд деяний, связанных с опричниной и с политическими казнями.

Наиболее подробное описание обстоятельств гибели царевича принадлежит перу иезуита Антонио Поссевино (или, как принято писать иногда на русский лад, Антония Поссевина), который играл довольно значительную роль в дипломатических переговорах того времени, но не был непосредственным свидетелем событий в семье царя и даже не приезжал еще тогда в Александрову слободу; он ссылался, однако, на верные сведения, исходившие от одного из его переводчиков, состоявшего тогда при царевиче Иване Ивановиче. Видимо, такое опосредование делало повествование Поссевино источником, для исследователей недостаточным достоверным⁴.

«Разнообразие и противоречивость сведений о смерти царевича, — писал С. Б. Веселовский, — объясняется просто тем, что все дело происходило во внутренних покоях дворца, доступных немногим приближенным лицам... Несомненным можно считать, что царь Иван по какому-то поводу так побил и напугал беременную сноху, что вызвал преждевременные роды, а затем избил сына, который умер через семь-восемь дней от раны, может быть, от кровоизлияния в мозг»⁵. Сопоставляя различ-

¹ Горсей Д. Путешествия. Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1907, кн. 2, с. 35.

² Псковские летописи. В. II. М., 1955, с. 35.

³ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М.: Наука, 1963, с. 50—51, 337—340.

⁴ Наиболее подробный разбор различных версий см.: Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1980, с. 233—236.

⁵ Веселовский С. Б. Указ. раб., с. 338—339.

ные версии современников об этом трагическом событии, Р. Г. Скрынников — автор последнего исследования об Иване Грозном — также приходит к выводу, что, хотя царевич, по-видимому, и не был убит наповал, а проболел еще одиннадцать дней, причем последнюю его болезнь называют горячкой, все же истинной причиной его смерти были побои и страшное нервное потрясение⁶.

Остановимся, однако, на повествовании Поссевино, поскольку там содержатся весьма убедительные, с нашей точки зрения, бытовые подробности, позволяющие предполагать, что переводчик, давший иезуиту информацию, если и не присутствовал непосредственно при тех событиях, о которых рассказывал, то во всяком случае получил подробные сведения от очевидцев.

Сообщив, что его сведения восходят к переводчику, состоявшему в тот период при царевиче Иване Ивановиче, Поссевино и далее говорит не от себя, а излагает мнение тех, кто пытался восстановить истинную картину. Наиболее правдоподобной причиной смерти царевича эти люди считали все же избиение, отмечая обстоятельства, при которых оно произошло. Видимо, они же пояснили иностранцу, что в России все знатные и богатые женщины обычно надевают одна на другую три одежды соответственно времени года — либо тяжелые, либо легкие.

Если же надевают только одну одежду, то о таких женщинах идет дурная слава. Третья жена Ивана Ивановича была одета как раз в одну простую одежду, поскольку она была на сносях и считала, что никто к ней не войдет. Когда царь (Поссевино называет его еще великим князем московским — *Magnus Dux Moscoviae*) неожиданно вошел, она лежала на скамье и сейчас же встала перед свекром, но не смягчила его гнева. Он дал ей пощечину (*alapa*), а затем ударил жезлом, которым так сильно ушиб ее, что на следующую ночь она преждевременно родила мальчика. Далее Поссевино приводит слова вступившегося за жену царевича (не содержащие никаких политических упреков, а касающиеся исключительно семейных дел), обратившие гнев отца на него самого⁷.

Итак, Поссевино (или, точнее, его информатор) считал, что причиной гнева Ивана IV было то, что сноха при его неожиданном посещении не была одета подобающим образом. Как сказали бы позже, она была в *négligé*, чего в те времена не допускали приличия даже между близкими родственниками, членами одной семьи.

В чем же именно мог усмотреть нарушение приличий вспыльчивый царь?

Поссевино не называет точно предметов одежды, которые были на княгине Елене, употребляя лишь общий термин «одежда» (*vestis*), что естественно для иностранца, не слишком хорошо знакомого с бытовой культурой страны. Он говорит только, что Елена была в одной простой одежде (*simplīci veste induta*), тогда как приличия требовали надеть три, т. е. была одета так, как одевались женщины, пользовавшиеся дурной репутацией.

Какие же три одежды могли здесь подразумеваться?

Несколько позже описываемых событий в Московии побывал англичанин Джильс Флетчер. В своем сочинении «О государстве Русском» он написал, что в летнее время русские женщины надевают «только по две рубахи (ибо так они их называют) одна на другую и дома, и выходя со двора»⁸. Наблюдательный иностранец заметил важное для того

⁶ Скрынников Р. Г. Указ. раб., с. 236.

⁷ Мы пересказываем здесь латинский текст повествования Поссевино (*Possevino A. De Moscovia commentarii*, I), приведенный С. М. Соловьевым (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. VI. М.: Изд-во Общественная польза, б. г., стб. 323—324*).

⁸ О государстве Русском. Сочинение Флетчера. Изд. III. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1906, с. 127. Флетчер впервые напечатал свою книгу в Англии в 1591 г.

времени явление: превращение первоначально единственной рубахи (у мужчин и женщин) в нижнее белье, поверх которого зажиточный человек надевал еще одну рубаху. Сомнения Г. Г. Громова в достоверности этого наблюдения вряд ли справедливы⁹. При таком изменении функций нижняя рубаха стала простой, не украшенной. Украшали теперь верхнюю рубаху. Ношение простой нижней сорочки и нарядной, расшитой «верхницы» было в XVI в. обычным. В то время были известны уже и женские сарафаны, надевавшиеся поверх обеих рубах. Знаменитый Домострой — своеобразная энциклопедия домашнего хозяйства XVI в. — не раз упоминает эту женскую одежду, характерную для богатых горожан и их домочадцев¹⁰.

Возможно, говоря о «трех одеждах», надевавшихся знатными и богатыми женщинами, Поссевино имеет в виду как раз две рубахи и сарафан — наиболее обычную городскую комнатную (а в теплое время и уличную) одежду.

Известно, что в древней Руси, как и в средневековой Европе, существовали весьма строгие понятия о том, кто как должен быть одет в тех или иных случаях. Сам Иван IV на всю жизнь запомнил, например, что в его детские годы один из князей Шуйских позволял себе являться ко двору в недостаточно роскошной шубе¹¹. Этот, казалось бы, незначительный факт характеризует не только прекрасную память царя, но и его обостренное с детства внимание к соблюдению подобного рода обычаев.

Известно и то, что древний обычай был особенно строг к женской одежде, а относительно головных уборов он даже был закреплен официальными письменными документами. Замужняя женщина ни в коем случае не должна была «светить волосом» (употребляя позднейшее выражение) — ей полагалось тщательно закрывать свои волосы сложным головным убором. Можно думать, что открытые волосы замужней женщины даже считались в какой-то мере вредоносными для окружающих (вероятно, в первую очередь для мужчин). Наряду с заклинаниями от топоров, стрел и прочего железного оружия существовал заговор «от колдуна и от ведуна, от бабы простоволосой и от девки гладковолосой»¹². Судя по контексту, субъектом заговора был мужчина. Новгородская грамота XII в., каравшая высоким штрафом «за сором» того, кто сорвет с женщины повой «и явится простоволоса»¹³, возможно, учитывала и эти представления о вредоносности для окружающих женских волос.

По мнению В. О. Ключевского, не допускалось, чтобы женщина ходила простоволосая и дома. Обычай разрешал ей лишь несколько облегчить здесь тяжесть головного убора (например, снять кичу, но обязательно оставить волосник)¹⁴.

Богатая вышивка женского головного убора и верхней рубахи имела значение не только (и даже не столько) эстетическое, украшательное, но и, главным образом, значение оберега и магических пожеланий¹⁵.

⁹ Громов Г. Г. Одежда. — В кн.: Очерки русской культуры XVI в. Ч. I. М.: Изд-во МГУ, 1977, с. 211.

¹⁰ Домострой по Коншинскому списку и подобным. К изданию подготовил А. Орлов. М., 1908, ст. 30, 34, с. 29, 31.

¹¹ Первое послание Курбскому. В кн.: Послания Ивана Грозного. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 134.

¹² См., например, записи заклинаний в Архиве Географического общества СССР. Разряд II, оп. I, № 65, л. 8 об.

¹³ Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189—1199 гг. — В кн.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949, № 28, с. 55—56.

¹⁴ Кирхман П. История общественного и частного быта. Дополнено В. Ключевским. Ч. I. М., 1867, с. 188.

¹⁵ См., например, Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки. М.: Наука, 1978, с. 16—17.

Вышивкой украшались края одежды — те места, сквозь которые могла проникнуть какая-либо вредоносная сила.

У рубахи (женской и мужской) это были ворот, подол, края рукавов. Нам представляется справедливым предположение Г. Г. Громова, что вышивка на рукавах женских рубах ниже плеча говорит о том, что когда-то и здесь был край одежды: рукава рубахи в древности бывали и короткими, а иногда вовсе отсутствовали¹⁶.

Именно то, что верхняя рубаха была богато вышита, позволяло делать нижние сорочки более простыми, без орнамента. Оберег имел, по видимому, двоякое значение: он предохранял владельца вещи от всякого вреда извне, а других людей от какого-либо вредного воздействия самого носителя вещи. «Нечистая сила» не могла ни войти, ни выйти через отверстие, защищенное вышивкой, — ворот, подол, рукава и пр.

Нужно думать, что беременная женщина должна была особенно заботиться о соблюдении всякого рода мер против возможного зла в интересах как своего будущего ребенка, так и окружающих.

Итак, неожиданно войдя в покои сына, Иван Грозный застал его жену лежащей на лавке и притом еще одетой не так, как надлежало перед свекром и царем. Был ли царь и без того раздражен чем-то и настроен против сына и его семьи (существует мнение, что незадолго до этого Иван IV изменил свое отношение к наследнику, в чем-то его подозревая), или же гнев главы семьи возбудило то, что сноха одета «как блудница» в одну сорочку, без верхницы и сарафана, что она не соблюдает оберегов? (Может быть, и головной убор был как-то облегчен или из-под волосника выбилась прядь волос.) Мнительный царь мог попросту испугаться за свое здоровье! Возможно, соединились все эти обстоятельства.

Так или иначе, вспышка гнева вылилась в трагедию, страшную и для простой семьи. А для семьи царской все еще усугублялось тем, что государство лишилось наследника.

---

¹⁶ Громов Г. Г. Указ. раб., с. 210.